

РАСЕКРЕЧЕНО

198

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам протокол допроса ЯКОВЕНКО В.Г., от 22-го
Марта с.г.

ЯКОВЕНКО показал, что он с 1928 года был организационно
связан с БУХАРИНЫМ, от которого получал указания о разверты-
вании антисоветской работы среди бывших партизан Сибири для
подготовки вооруженного восстания.

В 1929 году был организован антисоветский "партизанский
центр" в составе ЯКОВЕНКО и бывших партизанских командиров:
РУДАКОВА Ефрема; РУДАКОВА Емельяна; БАБАКИНА Ф.Я. и БУДА Н.М.,
-развернувшего в Сибири активную антисоветскую деятельность.

ЯКОВЕНКО показывает, что имевшее место в 1931 году, в
Тасеевском районе Западно-Сибирского края контрреволюционное
выступление явилось результатом работы правых - участников
"партизанского центра" в Сибири.

Из состава активных участников организации Сибири нами
арестовано 34 человека.

Названный в показаниях ЯКОВЕНКО работник НКВД-БУДА Семен
(начальник Краснодарского Горотдела УНКВД) - арестован.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С.С.Р.

Н. ЕЖОВ //

25 " Марта 1937г.

№. 56396

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЯКОВЕНКО, Василия Григорьевича. -

от 22 марта 1937 года.

ЯКОВЕНКО, В. Г., 1889 г. р., чл. ВКП/б
с 1917 г., быв. Наркомзем РСФСР.
До ареста - директор научно-
Исследовательского Института Нар-
комзема СССР.

Вопрос: На предыдущем допросе Вы заявили, что хотите дать откровенные показания о своей антисоветской работе. Так ли?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: В таком случае мы дадим Вам возможность самому изложить все, что касается Вашей антисоветской работы. В ходе Вашего изложения мы будем Вам ставить вопросы, уточняющие те или иные факты. Но Вы должны иметь в виду, что Ваше обещание быть откровенным, обязывает Вас рассказать действительно все, в том числе и все подробности, все детали.

Ответ: Я это понимаю. Я только прошу Вас учесть следующее обстоятельство: некоторые факты, о которых я буду говорить, имеют почти десятилетнюю давность. Так что кое - что могло стереться в моей памяти. Если я, следовательно, кое - что забыл, прошу не рассматривать это как намерение скрыть.

Вина моя перед партией и советской властью огромная. Я и мои единомышленники занесли меч над советской властью. Мы хотели угробить советскую власть. Вот к чему могла привести наша работа. Что может быть тяжелее того, что мы затеяли, особенно в таких уязвимых местах, как Восточная Сибирь.

Тяжелее этого был бы только следующий шаг, который мы могли бы сделать, это пустить в ход оружие...

Вопрос: К Вашей практической работе в Сибири мы вернемся несколько ниже. Расскажите сейчас, когда Вы встали на путь борьбы с партией и советской властью?

Ответ: Первый мой шаг, направленный против партии, это было в 1927 г., когда я поставил свою подпись под троцкистскую платформу "83-х". Скажу по совести, что в это время я не считал себя законченным троцкистом. Но мои несогласия, мое недовольство политикой партии, в особенности же деревенской политикой - к этому времени были таковы, что я так сказать подхватил и этот документ, поскольку он был направлен против политики партии. Я говорю особо о своем несогласии с деревенской политикой потому, что - скажу напрямик - эти мои настроения в течение долгого времени складывались под влиянием кулацкой части сибирской деревни. А с ней я был крепко связан. И вот когда в 1928 г. против линии партии стали выступать БУХАРИН, РЫКОВ и ТОМСКИЙ, когда появилась их платформа, когда я с ней познакомился, - я сказал себе: "Вот это - действительно то, что нужно". Так что с одной стороны, под влиянием моих деревенских настроений, о которых я говорил выше, а с другой - под влиянием платформы лидеров правых, под влиянием их выступлений против чрезвычайных мер, что особенно мне пришлось по душе - я в 1928 г. изложил свои взгляды на бумаге и послал это председателю ЦИК КАЛИНИНУ. Этим способом я думал, что мне, как человеку, о котором знают, что я крепко связан с деревней, удастся повлиять на деревенскую политику партии.

4

Вопрос: И Вы это письмо послали?

Ответ: Да, послал. В этом письме я изложил ряд требований касательно политики в деревне. Что это были за требования? Насколько я помню они сводились к требованиям: решительного отказа от применения чрезвычайных мер, отмены ограничений в деле аренды земли и найма рабочей силы реабилитировать (как я выразился) хорошо налаженное, крепкое товарное хозяйство, отмены практикующихся темпов коллективизации и т.д. Других пунктов этого моего заявления я сейчас вспомнить не могу. Но и то, что я привел, достаточно для характеристики того пути, который я предлагал - как путь капиталистического развития сельского хозяйства.

Вопрос: Мы пред"являем Вам документ, отобранный у Вас при обыске, отпечатанный на 5 страницах, адресованный тов. КАЛИНИНУ. Это и есть то заявление, о котором Вы говорите?

Ответ: (После ознакомления с заявлением). Да, это оно и есть.

Вопрос: На 5-й странице этого заявления, после перечня Ваших требований Вы пишете: "Это тот минимум, который необходимо теперь же без боязни реализовать". Если это, на Вашем языке, называется минимум, то что же тогда будет максимум?"

Ответ: Когда я писал это заявление, я не задумывался над этим вопросом. А к какому "максимуму" я и мои единомышленники потом пришли, Вы увидите. Могу сказать сейчас: "это путь организации крестьянских восстаний, на который мы встали..."

Вопрос: На из"ятом у Вас экземпляре заявления имеется пометка "Копия послана Н.И.БУХАРИНУ". Эта пометка сделана Вами?

Ответ: Да, мною.

Вопрос: И Вы этот документ послали БУХАРИНУ?

Ответ: Да, послал.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: Я уже сказал выше, что платформа лидеров правых наиболее соответствовала, вернее совпадала с моими собственными взглядами. Посылая копию своего заявления БУХАРИНУ, я этим хотел дать ему знать, что в своей борьбе против партии он, так сказать, не одинок, что он в этом отношении может рассчитывать на меня. А поскольку известно было, что я сохранил крепкие связи с деревней, то и рассчитывать на эти мои связи. Другими словами я этим хотел подпереть БУХАРИНА и его группу снизу.

Вопрос: Как БУХАРИН отнесся к этому?

Ответ: Дело обстояло вот как: вслед за посылкой копии моего заявления БУХАРИНУ, я позвонил ему по телефону. БУХАРИН подтвердил получение этого документа и на мой вопрос всячески одобрил как посылку заявления, так и его содержание. Он заметил (в этом же телефонном разговоре), что вопросы, выдвинутые в моем заявлении, совершенно своевременны и поставлены правильно. Ободренный БУХАРИНЫМ, я в том же 1928 г. в октябре месяце послал вторичное заявление всем членам Политбюро, в котором я, оперируя тенденциозно подобранными данными, почерпнутыми мною во время моей поезд-

ки в Сибирь, пытался на основании этих данных опорочить деревенскую политику партии и обосновать ими правоту платформы правых. И этот документ я послал БУХАРИНУ. После этого БУХАРИН выразил желание встретиться со мною и обстоятельно потолковать.

В связи с этим я имел с БУХАРИНЫМ две встречи, одну в конце 1928 г. и другую в 1929 г. Я хочу тут оговориться, что за давностью времени я не могу с точностью расчленить, что из моего разговора с БУХАРИНЫМ (содержание я изложу ниже) относится к встрече в 1928 г. и что к встрече 1929 г. Во всяком случае, я хорошо помню, что одна из этих встреч, как мы предварительно оговорились с БУХАРИНЫМ, состоялась в Кремле. Мы прогуливались по панели около Большого Кремлевского дворца, временами присаживаясь на скамейке. БУХАРИН очень радушно меня встретил и засыпал меня десятками вопросов о моих настроениях, о том, кто еще помимо меня эти настроения разделяет, о том, как политика партии преломляется в деревне и т.д. и т.п. Я подробно изложил ему свои взгляды в духе того, как я писал в своем заявлении на имя КАЛИНИНА. Я привел ему свои наблюдения по ряду деревень Сибири, которые я незадолго до этого посетил. Каждый из приведенных мною фактов, по существу относящихся к перегибам со стороны местных властей в смысле переобложения крестьян и т.д. БУХАРИН подхватывал и обобщал до клеветнических выводов о неправильности, губительности политики партии вообще. В этих выводах я, разумеется, полностью соглашался с БУХАРИНЫМ. Дальше разговор коснулся о настроениях в деревне, о моих связях с сибирскими людьми. БУХАРИН многозначительно стал мне говорить о том, что мы не можем оставаться равнодуш-

ными свидетелями того, как страна катится в пропасть, что история, мол, возложит на нас, "в первую голову на Васильевых, имеющих глубокие корни в деревне" - ответственность и тут, как бы невзначай, спросил меня: "Имеешь ли ты, Василий Григорьевич, попрежнему вес в деревне, в Сибири? Я ответил примерно в том смысле, что известный авторитет у меня сохранился в Сибири до сих пор, что поддерживаю связь с авторитетными ребятами из б. партизан, что (как я выразился) "есть еще порох в пороховницах", люди еще не выдохлись, есть кое-какие связи и т.д. На более конкретные вопросы, поставленные мне БУХАРИНЫМ в дальнейшей беседе, я рассказал ему, что во время моего последнего посещения деревни Денисовки, Дзержинского района, Восточной Сибири меня посетило около 400 б. партизан, которые знают меня по партизанскому движению в Сибири, что эти люди приезжали за 50-60 километров, чтобы повидаться и посоветоваться со мною. Я рассказал ему далее, что беседы с этими людьми, которые я проводил, до такой степени их наэлектризовали, что в результате народ, что называется "рвется в бой". Такая, довольно острая постановка, как мне показалось, вначале немного вспугнула БУХАРИНА. Он стал высказывать опасения, как бы народ "не переборщил". Затем, успокоившись и подумав, БУХАРИН стал развивать мне такое положение:

"Силища то огромная, могучая! С нею не считаться никак нельзя! Если б тебе удалось направить ее в наше русло, то ЦК вынужден был бы с этой силой считаться. Имея за спиной твоих сибирских партизан, мы бы с ЦК по иному говорили".

Несмотря на то, что БУХАРИН, как Вы видите, свои мысли о необходимости форсировать выступления сибирских партизан немного вуалировал, я достаточно хорошо понял, к чему он клонит, полностью с ним согласился и принял это, так сказать, к руководству.

На прощание БУХАРИН посоветовал мне всячески укреплять свои связи с сибирскими людьми и попросил заходить и делиться новостями.

Вопрос: Вы говорите, что указания БУХАРИНА об активизации сибирских партизан Вы приняли к руководству. Что Вы в этом направлении практически предприняли?

Ответ: Дело в том, что еще до моей встречи с БУХАРИНЫМ вокруг меня создавалась группа, в прошлом видных деятелей партизанского движения в Сибири. Группа не только полностью разделявшая взгляды правых, но уже до этого неоднократно ставившая передо мной вопрос о необходимости активных действий. Мой разговор с БУХАРИНЫМ сыграл роль серьезного толчка в деле организационного оформления этой группы. В результате к концу 1929 г. в Москве, под моим руководством, образовался своего рода центр (мы его называли партизанским центром) в составе следующих лиц:

1/Я-ЯКОВЕНКО,

2/РУДАКОВ Ефрем Константинович, член ВКП/б/, быв. зам. председателя армейского совета Тасеевского партизанского фронта. Работает в Заготзерно в Крыму.

3/БАВКИН Филипп Яковлевич, член ВКП/б/, б. член совета Тасеевского партизанского фронта. Работает в Комитете Народов Севера.

4/БУДА Николай Мартемьянович, б. командующий партизан-

ской армией Тасеевского фронта.

5/РУДАКОВ Емельян Константинович.

Этот центр развернул большую работу по установлению связей с сибирскими партизанами, вел среди них агитационную и вербовочную работу. Центр ставил своей целью создать из числа связанных с нами б. партизан- повстанческие кадры, готовые выступить, как только сложится благоприятная обстановка.

Вопрос: Все ли названные Вами члены центра работали в Москве?

Ответ: Нет, не все. Некоторые, как БУДА Николай и РУДАКОВ Ефрем постоянно работали в Сибири, в Иркутске и Красноярске. Но это им не мешало достаточно активно участвовать в работе центра, используя свои частые наезды в Москву. Постоянное пребывание членов центра БУДА и РУДАКОВА Ефрема в Сибири имело то преимущество, что они были ближе к деревне, ближе к нашим партизанским кадрам, работой среди которых они (БУДА и РУДАКОВ) непосредственно руководили. Что касается остальных членов центра - меня, БАБКИНА и РУДАКОВА Емельяна, то они большей частью жили в Москве. Надо сказать, что наша связь с местами осуществлялась не только через БУДА.Н. и РУДАКОВА. Мы построили довольно широкую систему живой и письменной связи с нашими кадрами в Сибири (о чем я скажу ниже), в результате чего мы были полностью в курсе того, что там делается и были в состоянии всем этим руководить.

Это относится к руководящей верхушке нашей организации.

Что касается нашей периферии, то она, в результате нашей активной работы, которую мы особенно развили в конце

1929 г. - к этому времени оформилась в следующих пунктах и в следующем составе:

Прежде всего было создано 2 областных центра нашей организации - в Красноярске и Иркутске.

В состав красноярского областного центра вошли: Николай БУДА (он же член московского центра), АПАНОВИЧ, КОЛПАКОВ и Николай МАЛЫШЕВ.

Иркутский областной центр составил из РУДАКОВА Ефрема (он же член московского центра), ПЕТРОВА (писатель-партизан), ИЮНЯ Герасима, ЛОБОВА Федора и БОБЫШЕВА Григория.

Далее нам удалось создать низовые опорные группы нашей организации в ряде пунктов Сибири, которыми руководили:

1/В Енисейске - эсэр РАСТОРГОВ - быв. комиссар Тасеевского армейского совета.

2/В Канске - РУЗВЕЛТ, НИЖЕГОРОДОВ.

3/В Тасееве - ЕГОРОВ Кузьма, МАЛЫШЕВ Николай, ДЮКОВ Петр и ЕМЕЛЬЯНОВ.

4/В Денисовке - ДАНИЛОВ Семен (кличка "Кривой глаз") и БЫСТРОВ Петр.

5/В Нашине - ДАНИЛОВ Иван (умер), РУЗВЕЛТ (одновременно руководил работой среди партизан в Канске).

6/В Мариинском районе - ПЕРЕВАЛОВ.

7/В Томске - ШЕВЕЛЕВ - ЛУБКОВ и БУИНЦЕВ.

8/В Новосибирске - Леонид БУДА.

9/В южных районах б. Канского и восточной части б. Красноярского уездов - работой руководил названный выше член иркутского областного центра ПЕТРОВ, которым в этих районах был создан ряд групп. Персональный состав этих групп мне неизвестен. Но о том, что эти группы действуют и развили

достаточно активную работу в направлении вербовки и обработки людей, - мне рассказывал сам ПЕТРОВ.

Я сказал выше, что между московским центром и периферийными группами существовала живая связь. Эту живую связь мы, в частности, осуществляли через личные встречи с участниками низовых групп: ЕМЕЛЬЯНОВЫМ В., МАЛЫШЕВЫМ Н., ДАНИЛОВЫМ И., БЫСТРОВЫМ И., НИЖЕГОРОДОВЫМ и РУЗВЕЛЬТОМ. Чтобы не забыть, отмечу тут же, что последние двое, т.е. НИЖЕГОРОДОВ и РУЗВЕЛЬТ летом 1930 г. специально приезжали ко мне в Москву за инструкциями. Подробнее об этой встрече я скажу ниже.

Вопрос: Вы сказали выше, что центр Вашей организации вел практическую работу по вербовке и созданию кадров из партизан, готовых выступить, как Вы выразились, как только сложится благоприятная обстановка. Были ли у Вас на этот счет конкретные планы. В чем они выражались?

Ответ: Вопрос о том, как и в каком направлении направить и вести нашу работу, мы в нашем центре на протяжении 1929, 1930 г.г. и позднее обсуждали неоднократно. Прежде всего важно было использовать все наши каналы связи с партизанской массой и направить их, как я говорил выше "боевые настроения" в наше русло. На это указал мне также БУХАРИН. Нужно было среди наших партизан создать такие настроения, которые в своем дальнейшем развитии представили бы собою благоприятную почву для перехода к активным действиям, скажу прямо - к восстаниям против советской власти.

В соответствии с этой нашей установкой мы использовали все имевшиеся у нас каналы связи с Сибирью (мои поездки в Сибирь, проезд в Москву отдельных людей, переписка и т.д.),

для внушения народу, что советская власть раскулачивает, мол, лучших, заслуженных партизан, что ставка на колхозы и совхозы подрывает экономическую мощь страны, что нужно брать ставку на хорошего хозяйственного крестьянина, который имеет, мол, опыт - дать ему инициативу и т.д. и т.п. Скажу без излишней скромности: мой авторитет среди сибирских партизан был достаточно велик, меня там называли "вождем красных партизан" и проч. и поэтому эти мои взгляды, просачиваясь в партизанскую среду Сибири, сыграли значительную роль в подогревании среди известной части партизан прямо повстанческих настроений.

Активизацией настроений партизан в том направлении, чтобы их недовольства все больше и резче принимали форму требований, приближающихся по своему содержанию к требованиям платформы правых, - мы рассчитывали давить на политику ЦК ВКП(б) и правительства и добиться изменения этой политики.

Одновременно, как я уже сказал, мы рассчитывали такой обработкой общественного мнения партизан (да и не только партизан) исподволь подвести их, если будет благоприятствовать обстановка, к уже решительным действиям - восстаниям, захвату отдельных районов и т.д.

На этот случай нами был, про запас, выработан план, существо которого я постараюсь сейчас восстановить по памяти. Этот план имел такие пункты, и, так сказать, варианты.

1) В Красноярске, на базе той группы, которая уже там действовала (Николай БУДА и другие) к началу выступления создается повстанческий штаб под моим руководством. В качестве центра мы намечали Красноярск, потому, что он является тем пунктом, вокруг которого сосредоточены наши кадры, наши группы

2) РУДАКОВ Ефрем и БУДА Николай выезжают в Новосибирск для координирования наших действий с партизанской группой ШЕВЕЛЕВА-ЛУБЮОВА.

3) По сигналу из Красноярска все повстанческие силы, возглавляемые нашими людьми, выступают одновременно-захватывают сельские и районные советские органы, средства связи и оружие.

4) В захваченных местностях крестьянство широко оповещается о целях и задачах нашей борьбы путем распространения воззваний, обращенных также к рабочим и красноармейцам.

5) В захваченных районах повстанческие отряды развивают военные действия на Восток к Иркутску и на запад к Томску.

6) Особое внимание в наших планах уделялось Минусинскому району, имея в виду в случае неудачи (с чем, конечно, мы не могли не считаться), иметь свободный выход к отступлению в Китай.

7) Был в нашем плане и такой вариант: Если по каким либо причинам не удастся начать выступление с Красноярска, предполагалось, что повстанческий штаб изберет своим центром один из опорных пунктов к югу от Красноярска, с тем чтобы сконцентрировать наши силы из Минусинска и Ачинска, взять Красноярск, развертывая затем военные действия к Томску и Новосибирску (Из Мариинска и Ачинска) и на восток к Нижне-Удинску и Иркутску (из Каинска).

Этим же планом был предусмотрен вопрос о том, чтобы в случае успеха восстания мы пойдём на создание самостоятельного сибирского государства.

Надо сказать, что в нашей среде вообще были довольно

широко развиты такие самостийнические тенденции, настроения.

Таковы были общие наметки нашего плана, к реализации которого мы исподволь готовились. Но когда именно наступит момент для выступлений - этого мы не определяли, ибо мы отдавали себе отчет во всех трудностях предстоящей борьбы, как и в том, что успешный исход такого рода предприятия будет зависеть от целого ряда факторов и внутреннего и международного порядка. Что касается последнего, т.е. фактора международного порядка, то мы, в нашей среде указывали, что вспыхнет против нас война, в частности со стороны Японии, то этим надо будет воспользоваться для форсирования выступления. В связи с этим я должен сделать следующую оговорку: мы ясно сознавали, что партизанскую массу, которую нам удалось бы спровоцировать на выступление в момент японской интервенции, - неизбежно поставила бы перед нами, руководителями, вопрос: "Что же мы таким образом будем помогать японцам в захвате территории СССР." Озлобление и ненависть сибирских партизан против японцев - общеизвестна. К этим насущным вопросам мы были подготовлены. Мы на них, в своей агитации среди наших единомышленников - отвечали примерно так: "И японцы, зло, и крестьянская политика советской власти - зло. Еще неизвестно, мол, какое из этих двух зол меньше. Это первое! И второе: мы обрабатывали наших людей в таком духе, что опасность массовых выступлений при японской интервенции не так уже велика, что наоборот, факт наших выступлений в Сибири даст Японии уверенность в том, что она имеет антибольшевистский тыл и что вследствие этого

Япония направит свою экспансию не на территорию СССР, а на Китай. Таким и подобными им маневрами мы в своей агитации маскировали свои пораженческие позиции, на которых мы в действительности стояли.

При обсуждении наших планов восстаний у нас возник вопрос об ОКДВА. Какую мы должны будем в отношении ее занять позицию? Ведь в момент развертывания наших боевых действий мы окажемся между Москвой и ОКДВА!

В момент обсуждения плана вопрос об ОКДВА полностью нами решен не был. Вставали разные вопросы. Но одно для нас было ясно. В случае если части ОКДВА будут наступать на нас, а также с целью изоляции ОКДВА от Москвы, - нужно будет взорвать тоннели и таким образом отрезать ОКДВА от Сибири.

Вопрос: - Обсуждался ли у Вас вопрос об оружии в связи с планом восстания?

Ответ: - Вопрос об оружии у нас, естественно, возникал. Были различные соображения на этот счет. В частности по нашим расчетам в одних только районах б. Енисейской губернии должно было быть с полтора десятка тысяч винтовок, которое осело у местного населения со времени гражданской войны. В 1920 г. ячейкам сочувствующих было роздано значительное количество оружия, которое не удалось впоследствии забрать обратно.

Вопрос: Вы сказали выше, что в 1930 г. к Вам в Москву из Сибири приезжали за инструкциями участники Вашей организации РУЗВЕЛЪТ и НИЖЕНОРОДОВ.

Ответ: - Совершенно верно.

Вопрос: - Чем был вызван их приезд в Москву. Остановитесь подробнее на этом?

Ответ: - Дело с этим обстояло так: в мае 1930 г. ко мне в Москву прибыли представители сибирских групп нашей организации, бывшие партизаны РУЗВЕЛЫТ и НИЖЕГОРОДОВ. Я в это время отсутствовал, как раз из Москвы. Я был на курорте в Железноводске. Узнав об этом, НИЖЕГОРОДОВ и РУЗВЕЛЫТ приехали в Железноводск и нашли меня в санатории им. Сталина, где я лечился. Они сделали мне подробный доклад о состоянии наших партизанских групп, о работе, которая среди них ведется, о настроениях в деревне и т.п. Положение в деревне, они изобразили мне в самых мрачных красках, уверяя меня, что настроения в деревнях в связи с таким положением таковы, что уже вполне назрели условия для активных выступлений. Если мы действительно хотим - заявили они, оказаться на высоте положения, если мы хотим остаться теми людьми, которых наши люди в Сибири привыкли многие годы рассматривать как своих руководителей, то мы должны, я в частности, взять в свои руки инициативу и руководство выступлениями. Ибо иначе - заявили они, - атмосфера в результате нашей работы до такой степени накалена, что все равно неизбежно, в отдельных местах это прорвется, мы будем иметь сепаратные, несогласованные между собой выступления, которые, конечно, будут подавлены, а мы, руководители, вызвавшие эти выступления, если мы останемся в стороне, ответственность возложат на нас. Доводы НИЖЕГОРОВОДА и РУЗВЕЛЫТА мне показались довольно убедительными.

Тем более, что приблизительно в это же время я стал полу-

чать из Сибири от знавших меня партизан письма (в том числе анонимные) примерно такого же содержания. Я помню, например, одно такое письмо, подписанное "партизанами Северо-Канского фронта с. Тасеево", в котором авторы в самых резких тонах требовали моего вмешательства, моей инициативы, что они, мол "готовы вспыхнуть как бензин", готовы к борьбе с "советским господством" и т.д. Одним словом, НИЖЕГОРОДОВ и РУЗВЕЛЬТ требовали моего "благословения". Я тогда не сомневался и сейчас не сомневаюсь, что если бы я тогда дал бы им свое "благословение", они заварили бы большую кашу. Тем не менее, я, будучи сторонником активной борьбы, я - один из руководителей организации ставившей себе целью организацию восстаний, - не был в тот момент убежден, созрел ли момент для выступлений, о чем я им и сказал. Желая все-таки посоветоваться с БУХАРИНЫМ и проверить насколько верна моя оценка общей обстановки в стране, ибо только в зависимости от этой обстановки можно было разрешить вопросы, поставленные передо мной РУЗВЕЛЬТОМ и НИЖЕГОРОДОВЫМ, - я не дав им окончательного ответа, предложил им на обратном пути из Железноводска заехать ко мне в Москву. Я уехал из Железноводска и до их возвращения в Москву имел свидание с Н.И. БУХАРИНЫМ.

Вопрос: - Где это Ваше свидание с БУХАРИНЫМ состоялось?

Ответ: - По предварительной договоренности я встретился с БУХАРИНЫМ (это было, примерно, в июле, я подчеркиваю примерно) на берегу Москвы реки в Серебрянном Бору, вблизи дачи М.А. ЛАРИНА (БУХАРИН часто навещал ЛАРИНА, он женат на его дочери). Вернувшись к нашим разговорам 1928-1929г.г.,

БУХАРИН спросил: "Ну, как Ваши партизаны"! Я ответил ему в том смысле, что советы, которые он мне тогда (в 1928-29 г.г.) дал насчет того, что было бы "если-б мы имели за своей спиной сибирских партизан"-, что эти советы пошли нам впрок, что мы и наши сторонники на местах сделали все практические выводы из этих его советов и что в результате всего этого мы имеем такое положение, когда люди требуют санкции на активные выступления. В дальнейшей беседе я подробно ознакомил БУХАРИНА с содержанием разработанного нашим центром планом восстаний, рассказал ему о приезде РУЗВЕЛЬТА и НИЖЕГОРОДОВА, о том, как, в какой постановке они поставили передо мной вопрос о выступлениях, я изложил ему содержание полученных мною писем, подчеркивающих актуальность выступлений.

Выслушав все это, БУХАРИН в принципе одобрил нашу работу, но заметил, что время для выступлений, в том направлении, как этого требуют НИЖЕГОРОДОВ и РУЗВЕЛЬТ, еще не наступило, что для этого нет еще общей благоприятной конъюнктуры в стране. БУХАРИН подробно мотивировал почему именно время для выступлений еще не наступило, почему необходимо выждать. Я с точностью не могу воспроизвести эти аргументы БУХАРИНА, отчасти потому, что кое-что у меня стерлось из памяти, а отчасти и потому, что кое-что из его терминологии я несколько с трудом усваивал. Но что я хорошо и твердо помню, что его рассуждения о том, что кризис в стране еще не достиг наивысшей точки, что СТАЛИНУ, мол, рядом удачных маневров удалось отсрочить неизбежный крах, но что этот крах не

- 18 -

минуемо наступит, что деревня пока, что полностью еще не обобрана, но город все больше и больше пополняется крестьянами, убегаящими из деревни, и что промышленность их поглотить не в состоянии будет, что колхозно-совхозная система не сможет компенсировать того, что давали крестьяне - единоличники и что эти процессы, все больше и больше нарастая, приведут к краху. Он подчеркнул, что именно к такой обстановке должны быть приурочены наши выступления, восстания, что они должны быть приурочены к стыку (я твердо запомнил это его выражение "стык"), процессов происходящих в деревне и городе. По БУХАРИНУ выходило, что самое напряженное положение в стране будет в 1932 г.

Я в частности поставил вопрос перед БУХАРИНЫМ об ОКДВА в связи с теми неясностями, которые у нас на этот счет были.

Я помню БУХАРИН мне ответил, в том смысле, что ОКДВА не обязательно выступит против нас. При этом БУХАРИН дал мне понять, что в ОКДВА имеются какие-то связи (он даже назвал какие-то фамилии, юго именно я позабыл), на которые можно будет рассчитывать.

Что касается нашего положения в Сибири в случае успеха восстания, с точки зрения возможной интервенции японцев - БУХАРИН заметил, что отношения с Японией можно будет наладить дипломатическим путем, путем соглашения, известных уступок и т.д. Вот, примерно, аргументы, которые мне привел БУХАРИН. Возможно, что они в моем изложении получаются не совсем складно (БУХАРИН, конечно, сказал лучше), но смысл и отдельные его выражения (вроде "стыка") были именно таковы. Это определено!

В заключение БУХАРИН подчеркнул, что нашей работе среди партизан, да и вообще в Сибири, он придает первостепенное значение, но настоятельно советовал не распылять наши силы, предостеречь людей от преждевременных, местных, необдуманных выступлений, использовать остающийся отрезок времени для организации людей вокруг наших лозунгов, использовать все трудности в деревне, неправильные действия местных властей для показа и внушения народу, вот, мол, к чему приводит неправильная политика, которая ведется ЦК партии, а вот, что было бы, если бы делалось то, что предлагают РЫКОВ, БУХАРИН и другие. На этом, примерно, мы с БУХАРИНЫМ расстались.

Вопрос: - Вы после этой встречи с БУХАРИНЫМ виделись с НИЖЕГОРОДОВЫМ и РУЗВЕЛЬТОМ. Если виделись какого характера указания Вы им дали?

Ответ: - Вскоре после моего свидания с БУХАРИНЫМ, тогда же летом 1930 г., на обратном пути из Железноводска ко мне в Москву заехали НИЖЕГОРОДОВ и РУЗВЕЛЬТ. Я передал им содержание моего разговора с БУХАРИНЫМ и рекомендовал им продолжать интенсивно вести работу, но воздержаться от разрозненных выступлений. При этом я развил им подробно бухаринские аргументы.

Вопрос: - Давали ли Вы указания НИЖЕГОРОДОВУ и РУЗВЕЛЬТУ вести вредительскую работу в колхозах и совхозах?

Ответ: - Не помню. По моему нет.

Вопрос: - А вот, что показал на следствии НИЖЕГОРОДОВ:

"С целью подготовки к вооруженному выступлению ,к.-р. актив решил связаться с ЯКОВЕНКО для получения инструкций. С этой целью я и РУЗВЕЛЬТ в 1930 г. ездили в Москву, где от ЯКОВЕНКО получили следующую установку: от восстания, ввиду бесполезного кровопролития, - воздержитесь, но разверните вредительскую работу в колхозах и совхозах."

Ответ: - Так ведь в основном НИЖЕГОРОДОВ касательно данных ему мною установок говорит то же самое, что и я. Что же касается вредительства, то я не исключаю, что я мог ему это сказать. Но твердо не помню, этого. Я ведь не намерен ничего скрывать от Вас.

Так вот НИЖЕГОРОДОВ и РУЗВЕЛЬТ уехали от меня с директивой: работу продолжать, порох, что называется, держать сухим, не от сепаратных выступлений воздержаться.

Вопрос: - Ну, а в действительности, Ваша директива о том, чтобы воздержаться от сепаратных выступлений, выполнялась.

Ответ: - Нет, не совсем.

Вопрос: - Вы что имеет в виду?

Ответ: - Я имею в виду кулацкое восстание, происшедшее в 1931 г. в Дзержинском и Тасеевском районах Восточно-Сибирского края.

Вопрос: - Т.е. в том самом Дзержинском районе, который Вы посетили в 1928 г. и где Вам тогда (как Вы показали выше) удалось основательно "подогреть" настроения.

Да, правильно. Я об этом показывал выше.

Вопрос: - И в Тасеевском районе, где, как Вы показали, действовали Ваши единомышленники ЕГОРОВ, МАЛЫШЕВ и другие?

Ответ: - Да, это так. Конечно, эти восстания были результатом работы нашей организации, но сами эти выступления произошли вопреки нашим (по крайней мере - центра) указаниям, ибо такие изолированные выступления мы считали ненужной расстройкой наших сил. Больше того. Это выступление принесло нам известный вред, так как оно насторожило органы власти и внесло некоторую дезорганизацию в наши широкие планы, о которых я говорил выше.

Вопрос: - Вам известен кто-либо из непосредственных организаторов этого восстания.

Ответ: - Знаю, что одним из вдохновителей этого восстания был ВНЯЗЮК. Он тесно был связан с участниками нашей организации БЫСТРОВЫМ, ДАНИЛОВЫМ и другими. Из той информации, которую я получил впоследствии: от Николая БУДА (в 1931 г.) и от БЫСТРОВА (в 1932 г.) я узнал, что ВНЯЗЮК, имея задание вести работу среди партизан, немного "перегрел". ВНЯЗЮК, не задаваясь широкой перспективой, действовал по нашему традиционному партизанскому методу: "Ударим, а там, в случае чего, в тайгу уйдем."

Вопрос: - А кроме БЫСТРОВА и НИКОЛАЕВА Вам кто-либо еще рассказывал о тасеевском восстании?

Ответ: - Да, рассказывал еще Семен БУДА.

Вопрос: - Кто он такой?

Ответ: - Он-ответственный работник НКВД, брат одного из видных участников нашей организации Николая БУДА. Дело было так: осенью 1931 г. Семен БУДА проездом из Сибири на курорт, зашел ко мне и рассказал об имевшем место восстании в Дзержинском и Тасеевском районах и привел мне некоторые подробности, связанные с этим восстанием.

Вопрос: - С какой целью Семен БУДА рассказывал Вам это? Что за отношения были между Вами? Расскажите подробнее.

Ответ: - Чтобы понятнее стало, характер моих, вернее наших отношений с Семеном БУДА, я должен вернуться хронологически несколько назад. Отец Николая и Семена - Мартемьян БУДА являлся управляющим золотым прииском и имел торговлю в Сибири. Об активной роли в нашей организации Николая БУДА я уже показывал выше. Семен БУДА был начальником Красноярского отдела ГПУ. В одной из бесед с Николаем в 1929 или 1930 г. я осторожно затронул вопрос о Семене, в результате Николай взялся "прошупать" Семена.

При следующей встрече (это было в 1930г.) Николай сообщил мне, что Семен "свой " человек, что он знает о нашей к.-р. работе среди партизан, что он относится к нам сочувственно и что мы вполне можем рассчитывать на его поддержку.

На мой вопрос, в чем практически может выразиться поддержка Семена, - Николай ответил, что в случае выступления, Семен берется помочь нам в захвате оружия, имеющегося

в Красноярске, освободить арестованных и передать в наше распоряжение тюрьму.

Как я сказал, осенью 1931 г. Семен БУДА посетил меня в Москве и рассказал мне о тасеевском восстании. Его поведение и характер его разговора со мною не оставили у меня сомнения в правоте Николая БУДА о том, что Семен действительно "свой" человек. Семен с оттенком сожаления сказал, мне, что партизаны ШАДРИН, БЫСТРОВ, ДАНИЛОВ Семен (все это наши люди) уж слишком откровенно высказывают свои к.-р. взгляды и что это их поведение дает повод Дзержинскому райотделению ГПУ нажимать на него (Семена) в смысле их репрессирования и даже упрекать его (Семена) в бездействии.

Чтобы не вызвать ^{подозрения} в отношении себя, Семен попросил моего согласия поставить вопрос о поведении названных партизан в краевых руководящих органах в том смысле, чтобы их немного одернуть.

По тактическим соображениям я дал согласие Семену БУДА, чтобы их немного, так для виду, "потрясти."

Для меня совершенно ясно было, что он готов поступить так, как я ему посоветую.

Вопрос: - Вы после этого встречались с Семеном БУДА?

Ответ: - Да встретился еще один раз осенью 1933 года.

Я зашел к троцкисту ГАЕВСКОМУ. Там я застал несколько человек в том числе Семена Буда. ГАЕВСКИЙ работал в Сибири и оттуда приезжал в Москву вместе с Семеном БУДА. Подробно поговорить с Семеном БУДА мне на сей раз не пришлось.

Вопрос: - Вы говорили выше о Вашем свидании с БУХАРИНЫМ в 1930 г. А после 1930 года Вы с БУХАРИНЫМ встречались?

Ответ: - Да, встречался. На протяжении 1931, 1932, 1933 и 1934 г.г. я имел с БУХАРИНЫМ ряд встреч.

Вопрос: - Изложите характер и содержание этих встреч с БУХАРИНЫМ?

Ответ: - Что касается 1931 г., то эта моя встреча с БУХАРИНЫМ состоялась, насколько я помню, в ноябре мес., в Кремле. Подробностей моего разговора с ним я с точностью воспроизвести не могу. Однако, хорошо помню, что я рассказывал ему об имевших место восстаниях в Тасеевском и Дзержинском районах. Поняв из моей информации, что к этим восстаниям причастны наши люди, БУХАРИН осудил это и примерно повторил на сей счет аргументацию, которую он развернул передо мною при встрече в 1930 г.

Затем я встретился с БУХАРИНЫМ несколько раз в 1932 г. (один раз, кажется, в Серебрянном Бору, а другой раз в Кремле).

БУХАРИН в беседе со мною с большой силой и ненавистью обрушивался на руководителей партии, на СТАЛИНА. Частично в этой беседе, а частично в следующей беседе (мне трудно раз"единить содержание этих ветреч) БУХАРИН довольно подробно и достаточно откровенно посвятил меня в дела правых. Он, помню, начал с того, что обстановка сейчас настолько изменилась, что думать об изменении политики партии и изменения руководства обычными путями - вещь нереальная и что руководители правых, он в том числе, уже с некоторого времени (с какого времени - он не

сказал) пришли к выводу, что главнейший метод борьбы - это насильственное устранение СТАЛИНА и всего руководства ВКП(б). Дальше он подробно обосновал мне почему исторически и политически целесообразен и закономерен такой способ борьбы. На мой вопрос БУХАРИН дал мне понять, что в этом направлении ведется практическая работа, но о деталях он не говорил, да и я не считал уместным об этом расспрашивать его. Затем он сообщил мне, что идет об "единение всех сил, недовольных нынешним положением вещей в партии и в стране, что прежние разногласия, существовавшие, скажем, между троцкистами и правыми, давно себя изжили и что перед лицом главной опасности (какой является сталинское руководство) они, правые, вошли в тесную связь с троцкистами и зиновьевцами, которые также встали на путь террористических методов борьбы.

Вопрос: - БУХАРИН так и сказал "террористических методов борьбы".

Ответ: - Утверждать этого не могу. Он говорил о "насильственном устранении", об "устранении силой". Что речь шла именно о терроре, у меня не было никаких сомнений, да это видно из всего контекста разговора. Употреблял ли он слово "террор", я просто не помню.

Помню также, что в одном из этих разговоров в 1932 году (относится ли это к встрече в Серебряном бору или к встрече в Кремле утверждать не могу), БУХАРИН, коснувшись международных дел, рисовал в очень мрачных красках положение СССР в связи с усилившейся опасностью военного нападения со стороны Японии и Германии, при чем его высказывания на этот счет не оставили

у меня никаких сомнений в том, что он стоит на пораженческих позициях.

БУХАРИН вернулся к нашим прежним разговорам о "моих сибирских партизанах". Он пояснил мне, что вопрос об активных выступлениях на ближайшее время приобретает особое значение, что было бы непростительно если-б мы не использовали благоприятно складывающуюся обстановку какую мы имеем на Кубани и Сибири, - для организации массовых выступлений.

Всемерная активизация наших сил - подчеркнул БУХАРИН - важно сейчас (1932 год) не только в силу благоприятных для нас симптомов внутри страны, но и ввиду возросших шансов на интервенцию со стороны Японии.

БУХАРИН подчеркнул, что работа, ведущаяся ими и троцкистам наверху (речь шла об устранении руководителей партии), если она, эта работа, получит подкрепление внизу, ввиду активных выступлений наших людей в Сибири, то это может дать наибольший эффект.

Он эту мысль затем проще пояснил, а именно: что к моменту устранения в Москве верхушки партии и правительства и захвата власти троцкистами и правыми, что к этому моменту должны быть приурочены массовые восстания в Сибири, реализация плана захвата Сибири, плана - который я ему в свое время докладывал.

И, наконец, моя последняя встреча с БУХАРИНЫМ. Она состоялась вскоре после убийства КИРОВА, в середине декабря 1934 г. БУХАРИН позвонил мне домой и спросил не пойду ли в Кремлевскую поликлинику (там мы и прежде встречались). Я согласился. Он встретил меня на Воздвиженке, около поликлиники

- 26 -

и мы пошли по направлению к манежу. Разговор естественно зашел об обстоятельствах убийства Кирова. Поскольку БУХАРИН уже в предыдущие встречи был со мною достаточно откровенен, он и на сей раз довольно прозрачно дал мне понять, что он "кое что знает о том, - какие цели зиновьевцы ставили себе террористическим актом над Кировым, но что эти цели полностью не оправдались. Он что то далее говорил о других активных действиях, которые должны быть предприняты троцкистами и зиновьевцами одновременно с убийством Кирова, но что именно я позабыл.

Сказал он еще, что в связи с этим дальнейшая работа, в частности моя работа среди партизан, ни в коем случае не должна быть свернута, но вести ее нужно сейчас архиконспиративно и осторожно в духе тех установок, о которых я говорил выше.

20.XII.34 года я уехал в Новосибирск и с тех пор БУХАРИНА больше не видел.

В начале 1935 года БУХАРИН мне позвонил по телефону и выразил желание встретиться со мною. Так как в это время пошли репрессии по отношению к зиновьевцам и учитывая то, что мне рассказал БУХАРИН о причастности зиновьевцев к убийству Кирова, я от встречи с БУХАРИНЫМ уклонился, сказав ему, что я болен и лежу в постели.

Вопрос: А с кем из участников вашей организации вы встречались после 1934 года ?

Ответ: Встречался с БУИНЦЕВЫМ в первых числах января 1935 года в гор.Новосибирске, куда я приезжал в командировку.

Вопрос: Вы с БУИНЦЕВЫМ в эту встречу говорили о делах организации ?

Ответ: Нет, не говорил. Не говорил потому, что в 1934 году я прекратил контрреволюционную работу.

Вопрос: Прекращение контрреволюционной работы по крайней мере предполагает выдачу органами советской власти всего того, что вы и ваши единомышленники совершили до 1934 года.

Вам это понятно.

Ответ: Да, понятно.

Вопрос: А вы это сделали ?

Ответ: Нет не сделал.

Вопрос: Вы не только не выдали работу вашей организации, но больше того, в конце 1934 года узнали от БУХАРИНА о причастности зиновьевцев к злодейскому убийству тов.Кирова и о дальнейших планах троцкистско-зиновьевского блока.

Так-ли это ?

Ответ: Да, правильно.

Вопрос: И это вы скрыли ?

Ответ: Да.

Вопрос: - И в конце 1934 года вы приняли от БУХАРИНА директиву о дальнейшем развертывании антисоветской работы.

Ответ: - Я его выслушал и промолчал. Я, следовательно, признаю себя виновным также в том, что знал о существовании блока между троцкистами и зиновьевцами с одной стороны и правыми с другой, знал, что они ведут работу по насильственному устранению руководителей ВКП(б), знал, что зиновьевцы причастны к убийству КИРОВА и что блок подготавливает ряд других активных действий против советского государства.

Поскольку я, таким образом, знал о преступных замыслах троцкистско-зиновьевского блока и правых и это скрывал, постольку (я это должен признать) есть основание считать меня участником организации до последнего времени.

Вопрос: - Вернемся к вашей встрече с БУИНЦЕВЫМ. Мы представляем вам показания Н. МАЛЫШЕВА, из которых видно, что в 1935 году вы давали БУИНЦЕВУ, МАЛЫШЕВУ и другим вашим единомышленникам директивы по антисоветской работе.

Ответ: - Я это отрицаю.

Вопрос: - А с участником вашей организации ЛУБКОВЫМ-ШЕВЕЛЕВЫМ вы после 1934 года встречались?

Ответ: - Да, встречался. Осенью 1935 года ЛУБКОВ-ШЕВЕЛЕВ был в Москве и навестил меня. Но вопросов контрреволюционной работы мы с ним не касались.

Вот приблизительно, главное, основное, что я имею сообщить следствию.

Я не исключаю, что кое -какие факты, важные для следствия я мог позабыть. Дайте мне некоторый срок, я подумаю и что вспомню- сообщу дополнительно.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано:

ЯКОВЕНКО.

ДОПРОСИЛИ:

НАЧ. 5 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ-
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ:

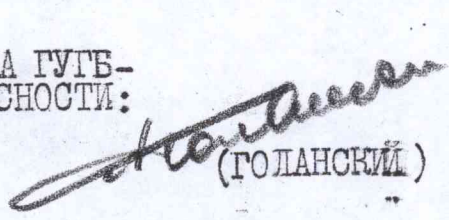
(ГОЛУБЕВ)

ПОМ. НАЧ. 1 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ-
КАПИТАН ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:

(ЛУЛОВ)

ВЕРНО:

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР 8 ОТДЕЛА ГУГБ-
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

(ГОЛАНСКИЙ)